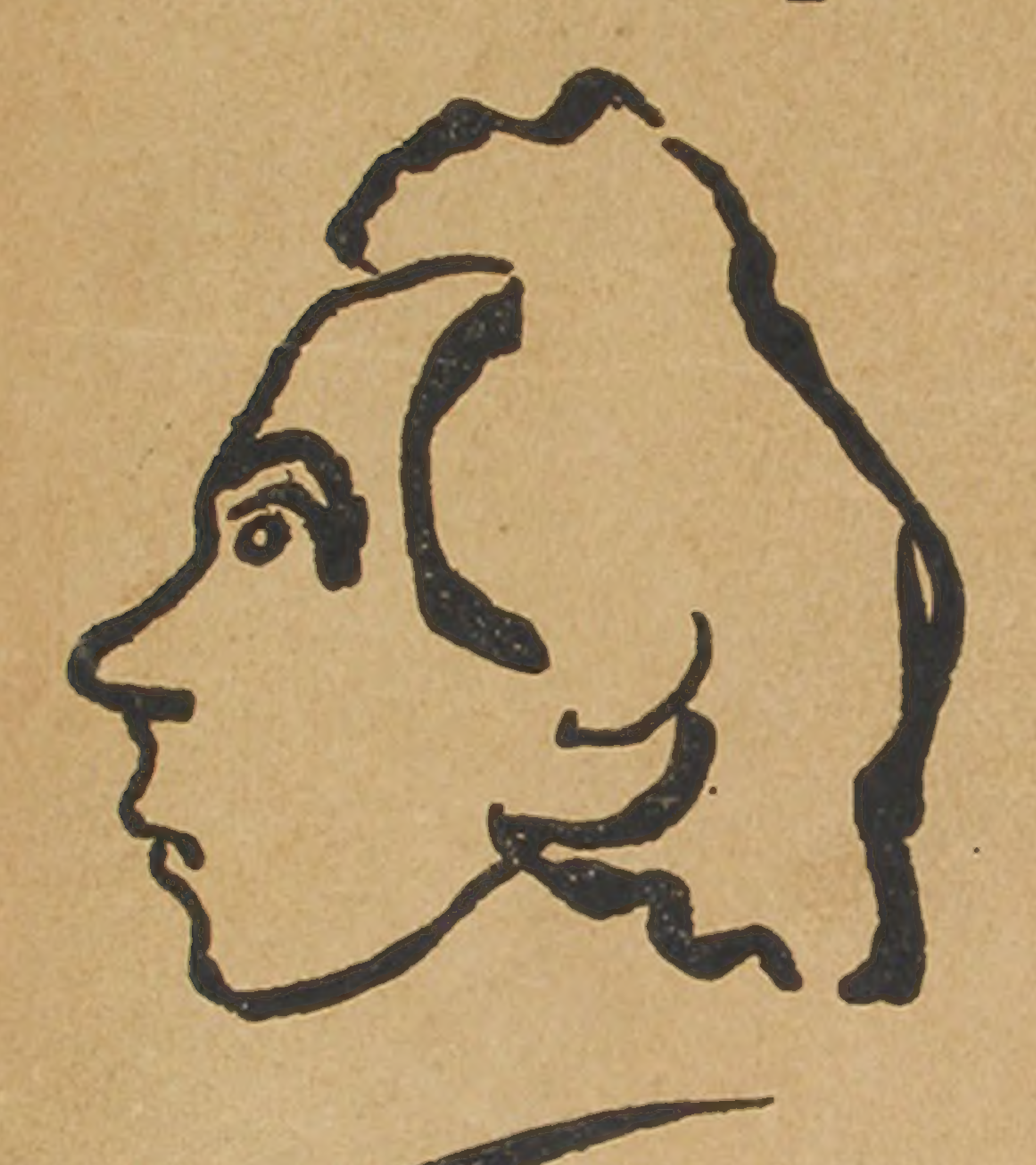
В. ХЛѢБНИКОВ.

изБорник

11 рисунков **Филонова** (кисть, перо и рѣзецъ)

1 рис. **К. Малевича.**

Подобенъ **В. Хлѣбникова** рис.

Над. **Бурлюк.**

В. Хлѣбников

изборник

стихов

съ послѣсловіемъ рѣчаря.

1907—1914 гг.

Предисловіе издателей.

Въ настоящую книгу вошли стихи В. Хлѣбникова как бывшіе уже в печати (отдѣл I) так и печатающіеся впервые (отдѣл II)

Тѣ стихи этой книги, кои были уже напечатаны ъ различных сборниках, для настоящ. изд. просмотрѣны и нѣкоторыя вкравшіеся недосмотры и опечатки исправлены самим—рѣчарем.

Отдѣлъ I.

Из книги „Молоко Кобылиц“

Мои глаза бредутъ какъ осень
По лицъ чужимъ полямъ
Но я хочу сказать вамъ міра осямъ
«Не позволямъ»
Хотѣлъ бы шляхтичемъ на сеймѣ
Руку положивъ на рукоятку сабли
Тому, отсвѣтъ желаній чей мы
Крикнуть, чтобъ узы воль ослабли.
Такъ ясневельможный панъ Сапѣга
Въ гнѣвѣ изумленномъ возростая
Видитъ какъ на плечо бѣлѣе снѣга
Мѣха́ надѣты горностая
И падаетъ шатаясь панъ
На обагренный свой жупанъ...

Когда рога оленя подымаются надъ зеленью
Они кажутся засохшее дерево
Когда Сердце начери обнажено въ словахъ
Баютъ: онъ безуменъ.

ПА-ЛЮДИ.

Птица стремясь въ высь
Летитъ къ небу
Панна стремясь въ высь
Носитъ высокіе каблуки
Когда у меня нѣтъ обуви
Я иду на рынокъ и покупаю ее
Когда у кого нибудь нѣтъ носу
Онъ покупаетъ воску
Когда у народа нѣтъ души
Онъ идетъ къ сосѣднему
И за плату пріобрѣтаетъ ее
—Онъ лишенный души!..

Из „Дохлой луны"

Когда умирают кони, дышатъ,
Когда умираютъ травы, сохнутъ.
Когда умираютъ солнца, они гаснутъ
Когда умираютъ люди, поютъ пѣсни.

ЧИСЛА

Я всматриваюсь въ васъ, о числа,
И вы мнѣ видитесь одѣтыми въ звѣри, въ ихъ шкурахъ,
Рукой опирающимися на вырванные дубы
Вы даруете—единство между змѣеобразнымъ движенiемъ
хребта вселенной и пляской коромысла
Вы позволяете понимать вѣка, какъ быстраго хохота зубы.
Мои сейчасъ вѣщеообразно разверзлися зеницы.
Узнать, что будетъ Я, когда дѣлимое его—единица.

Опытъ жеманнаго.

Я нахожу, что очаровательная погода
И я прошу милую ручку
Изящно переставить удареніе
Чтобы было такъ: смерть съ кузовкомъ идетъ по года́
Вонъ тамъ на дорожкѣ бѣлый всталъ и стоитъ виденнѣга.
Вечеръ-ли? Дерево-ль? Прихоть моя?
Ахъ, позвольте мнѣ это слово въ видѣ нѣги!
Къ нему я подхожу съ шагомъ изящнымъ и отмѣннымъ.
И, кланяясь, зову: если вы не отрицаете значенія любви
чаръ,
То я зову васъ на вечеръ.
Тамъ будутъ барышни и панны
А стаканы въ рукахъ будутъ пѣнны.
Ловя руками тучку
Вѣтеръ получаетъ ударъ ея и не-я.
А согласно махнувшіе въ глазахъ свѣтляки
Мнѣ говорятъ, что сношенья съ загробнымъ міромъ легки.

Из „пощечины общественному вкусу“

Съ журчаніемъ свистомъ
Птицы взлетать перестали.
Трепещущимъ листомъ
Онѣ не летали.

Тянулись таинственно перья
За тучи широкимъ крыломъ
Бѣглецъ науки лицемѣрья
Я тучѣ скакалъ напроломъ.

Бобэоби

пѣлись губы
ВээОми пѣлись взоры
Піээо пѣлись брови
Ліээй—пѣлся обликъ
Гзи-гзи-гзэо пѣлась цѣпь,
Такъ на холстѣ какихъ-то соотвѣтствій
Внѣ протяженія жило Лицо.

(Студія импрессіонистовъ 1910 г.)

Трущобы *)

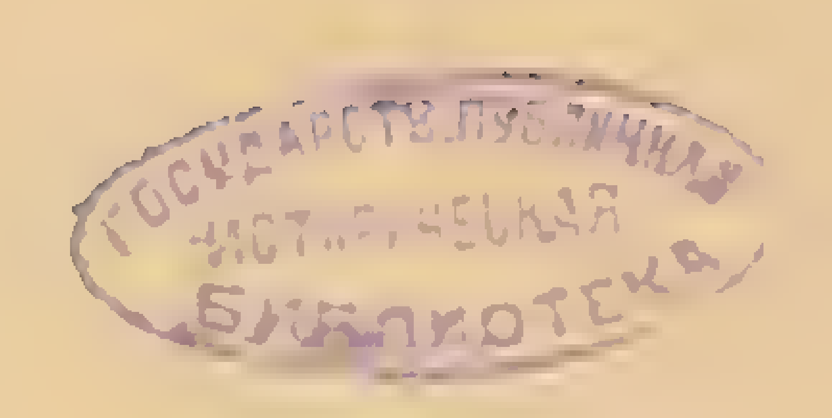
Были наполнены звукомъ трущобы
Лѣсъ и звенѣлъ, и стоналъ,
Чтобы
Звѣря охотникъ копьемъ доканалъ.
Олень, олень, зачѣмъ онъ тяжко
Въ рогахъ глаголъ любви несетъ?
Стрѣлы вспорхнула мѣдь на ляжку
И не ошибоченъ разсчетъ.
«Сейчасъ онъ сломитъ ноги о земь
И смерть увидитъ прозорливо,
И кони скажутъ говорливо:
„Нѣтъ, не напрасно стройныхъ возимъ".
Напрасно прелестью движеній
И красотой немного дѣвьяго лица
Избѣгнуть ты стремился пораженій
Копьемъ искавшихъ бѣглеца.
Все ближе конское дыханье
И ниже рогъ твоихъ висѣнье,
И чаще лука трепыханье,
Оленю нѣту, нѣтъ спасенья.
Но вдругъ у него показались грива
И острый львиный коготь,
И беззаботно, и игриво
Онъ показалъ искусство трогать.
Безъ несогласья и безъ крика
Они легли въ свои гробы
Онъ же стоялъ съ осанкою владыки
Были созерцаемы поникшіе рабы.

*) Олень превратившійся в льва—образ Россіи.

Из книги „Мірсконца“.

Будемъ грозны как Остраница
    Платов и Бакланов
Полно вамъ кланяться
Рожѣ басурманов

С толпою прадѣдов за нами
    Ермакъ и Ослябя
Вейся вейся русское знамя
Веди через сушу и через хляби!

война.

Вселенночку зовут мірѣя, полудѣти...
И умпратище клянут
Быть мертвымъ звала добродѣтель
Они послушались по нудъ

Нѣмотичей и нѣмичей
Зоветъ взыскующій сущёл
Но новым грохотом мечей
Ему отвѣтит будущел

Сумпотичей и грустистѣлей
Зовет рыдanственный желел
За то, что нѣкогда свистѣли,
В свинцѣ отсутствует сулел.

Свинец согласно ненавидим —
Сію желѣзную летаву,
За то что въ цѣли его видим
Звонко багримую мѣтаву.

Изъ пѣсенъ гайдамаковъ.

«Съ нависня панъ летитъ бывало
горножъ
Въ заморскихъ чоботахъ мелькаютъ ноги
А пани надъ собой увидѣвъ ножъ
На землю падаетъ цѣлуетъ ноги
Ихъ хлябей вынернетъ усатый панъ моржомъ
Чтобъ простонать Santa Maria
Мы жъ хлопцы весело заржемъ
И топимъ камнями въ глубинахъ чарторія.
Пановъ сплавляемъ по рѣкамъ
А дочери ходили по рукамъ
Была веселая пора
И съ ставкою большою шла игра.
Пани намъ служитъ какъ прачка
наймитка.
А панъ плыветъ и ему на лицо садится
кигитка».

Нѣтъ, старче, то негоже
Парча отстоитъ отъ рогожи.

Из „Садка Судей II“.

Марія Вегора.

Выступы замокъ простеръ
Въ синюю неба пустыню.
Холодный востока костеръ
Утра встрѣчаетъ богиню.
И тогда то
Звонъ раздался отъ подков.
Бѣлъ какъ хата
Мѣсяцъ ясныхъ облаковъ
Лаву видитъ сѣдоковъ
И одинъ изъ нихъ широко
Ношей бѣлою сверкнулъ
И въ его ночное око
Самъ таинственный разгулъ
Выше мѣла бѣлыхъ скулъ
Заглянулъ
Не святые, не святоши -
Въ поздній часъ несемся мы.
Такъ зачѣмъ чураться ноши
Въ часъ царицы ночи тьмы!
Ужъ по твердой мостовой
Идутъ взмыленные кони.
И опять взмахнулъ живой
Ношей мчащійся погони.

И кони устало зѣваютъ замученны,
Шатаются конскія стати.
Усы золотые закручены
Вождя веселящейся знати.
И вящщей породѣ поспѣшная дань
Ворота раскрылися настежь
„Раскройся, раскройся широкая ткань
Находку прекрасную застишь
Въ рукахъ моихъ дремлетъ прекрасная лань.
И преодѣлевая странный страхъ
По пространной взбѣгаетъ онъ лѣстницѣ
И прячетъ лицо въ волосахъ
Молчащей кудесницы.
«Въ холодномъ сумракѣ покоя
Гдѣ окружили столъ скамьи
Веселье встрѣчу я какое
Въ разгулѣ витязей семьи»
И тѣ отвѣчали съ весельемъ
«Правду промолвилъ и дѣло
Друженъ уродъ съ подземельемъ
И любитъ высоты небесное тѣло».
«Короткіе четверть часа
Буду вверху и наединѣ
Узнаю ли льнутъ ея волоса
Къ моей молодой сѣдинѣ»
И тѣ засмѣялися дружно.
Качаются старою стрѣлкой часы.

Но страхъ вдругъ приходитъ. Но все же
наружно
Тѣ всадники крутятъ лихіе усы...
Но что это? жалобный стонъ и трепещущій
говоръ
И тѣла упавшаго шумъ позже стука.
Весь дрожа пробѣгаетъ въ молчаніи поваръ
И прочь убѣгаетъ не выронивъ звука.
И мчатся толпою недоброе чуя
До двери высокой дубовой и темной
И плачетъ дружинникъ ключъ въ скважину суя
Суровый, сердитый огромный
На битву идутъ они къ женственнымъ чарамъ
И дверь отворилась подъ тяжкимъ ударомъ
Со скрипомъ, какъ-будто куда-то летя,
Грустящее молитъ и плачетъ дитя.
Но зачѣмъ въ ихъ рукахъ заблистали клинки?
Шашекъ лезвея блещутъ изъ каждой руки.
Какъ будто заснувшій лежитъ общій другъ
И на полъ стекаютъ изъ крови озера
А въ у глу близъ стѣ ны вся упрекъ и испугъ
Марія Вечора.

ПЕРЕВЕРТЕНЬ.

(Кукси кумъ мукъ и скукъ).

Кони, топотъ, инокъ
Но не речь, а черепъ онъ
Идемъ молодъ, доломъ меди
Чинъ званъ мечемъ навзничь.
Голодъ чѣмъ мечъ дологъ?
Палъ а норовъ худъ и духъ ворона лапъ.
А что? я ловъ? Воля отча!
Ядъ, ядъ, дядя!
Иди, иди!
Морозъ въ узелъ, лѣзу взоромъ.
Соловъ, зовъ, возъ волосъ
Колесо. Жалко поклажъ. Оселокъ.
Сани плотъ и возъ зовъ и толпъ и насъ
Гордъ дохъ, ходъ дрогъ.
И лежу. Ужели?
Золъ голъ логъ лозъ
И къ вамъ и тремъ съ
Смерти Мавки.

* * *

Помиралъ морень, моримый морицей
Вѣренъ въ вѣримое вѣрицы.
Умиралъ въ морильяхъ морень
Вѣренъ въ вѣроча вѣрни.
Обмиралъ морѣя морень.
Вѣренъ вѣритвамъ Вѣраны
Пріобмеръ моряжески морень
Вѣренъ вѣрови вѣрязя.

Изъ „рыкающаго парнаса“.

Морской прибой.

о день и дзень и динь!
Нуочь и ночь и ничь!
Всеобщаго единства.

ОТДѢЛЪ II.

(корни: чур... и чар...)

Мы чаруемся и чураемся.
Тамъ чаруясь, здѣсь чураясь
То чурахарь, то чарахарь
Здѣсь чуриль, тамъ чариль.
Изъ чурыни взоръ чарыни.
Есть чуравель, есть чаравель.
Чарари! чурари!

Чурѣль! Чарѣль!
Чареса и чуреса.
И чурайся и чаруйся.

Законъ качелей велитъ
Имѣть обувь то широкую, то узкую
Времени-то ночью, то днемъ,
А владыками земли быть, то носорогу, то человѣку.

———

Сонъ то сосѣдъ снѣга весной,
То лѣвое непрочное правительство въ какой-то думѣ.
Коса то украшаетъ темя, спускаясь на плечи, то коситъ траву
Мѣра то полна овса, то волхвуетъ словомъ.

Мавка (вѣдьма).

Замѣть суровую пастушку:
Обвита страусомъ пера
Не человѣкъ и не гора
Ведетъ гулять младую чушку.

И дѣтворы съ крылами стая
Летитъ и рѣетъ, прилетая.
Свѣча дрожитъ, горитъ огонь.
Ея сіяніе мало.

И какъ бѣсовскихъ игрищъ конь.
Прошло сквозь ноги помело.
Сложивъ съ колѣнями персты
Полуобезьяна, полу духъ,
Глазами грустными потухъ
На половинѣ ѣысоты.

Тучна, высока, велика.
Вѣдунья взорами прелестная.
То дочь ли Мишка поляка
Или другая неизвѣстная?
И книги строки по латыни
Въ жаровнѣ пляской пескарей,
Согнувшись въ пламени святыни,
Поютъ: лети на бой скорѣй!

Полна Соблазна и бѣла
Она забыла про бѣлила
И твердой ручкой помела
. . . . . раздѣлила.
Она въ грѣховныя страницы
Вонзила огненное око
По сказкамъ письменнымъ порока
Летаетъ пылкая зарница.
Предъ нимъ навсегда треугольникъ
Высокимъ и темнымъ пятномъ
Сидитъ онъ какъ тихій невольникъ
И думаетъ скованный сномъ.

Шабашъ.

А. Еще упруга эта кожа
И войско морщинъ не пришло
Еще слыву княгиней ложа
Вѣнчая прелестью чело.
Налей! налей женихъ случайный
Морской прибой въ мои стаканы.
Нѣтъ не покинулъ поздней тайной
Стыдливый черепъ чертъ обманы.
Но перстъ могильный указуетъ
Кусты на кладбищѣ цвѣтовъ.
Для дщери сновъ, для дщери суетъ
Могильный черепъ уже готовъ.
Подруги: Мы грѣшницы подъ соснами
Подъемлемъ къ небу чаши.
Твердимъ устами косными,
Что наши годы наши.
Ручей стезей зеленою
Задумчиво бѣжитъ
И отрокъ опаленный
Волшебницей лежитъ.
О. Сквозь неводъ волнъ для взоро́въ вкось
Какъ снѣгъ сверкаетъ тѣла ось.
Бойся ты, глазунья, ей,
Табуна моихъ страстей.
Все потопчутъ и сомнутъ
Лишь глаза твои уснутъ.

Какъ снѣгъ весной вы поголовно
Сдаетесь дѣвы поцѣлую.
Ахъ сердце ваше невиновно:
Вѣдь вьются кудри вразсыпную.
Но я до смерти не пойму
Зачѣмъ мы люди, почему?
Но все жь волнуетъ насъ чуть чуть
Льна за горошкомъ снѣгъ или грудь?
И утро пусть приходитъ, пусть!
На смѣну тайнъ грѣховныхъ мигу:
Я знаю, помню наизусть
Тобой разсыпанную книгу.
И не втунѣ и не всуе
Кротко жили поцѣлуи.
Тебѣ довольно ахъ да охъ
Рождать однимъ своимъ видѣніемъ
Душиста ты какъ дикій лохъ
И быть съ тобою сновидѣніе.
Лице даете намъ вы даромъ
А персь и плечи свои нѣтъ.
Свирѣпымъ было бъ то ударомъ
Будь вы свободны отъ тенетъ.
Ужель изъ кубка вамъ досыта
Такъ трудно страстью насладиться.
И чтобъ зимою было жито
Грѣховный снопъ связала жница.
Гдѣ вмѣстѣ съ вмѣстѣ слилось врозь
И гдѣ такъ нѣжны шелкъ и дымъ
Туда стремится вкривь насквозь
Глазамъ пристойно молодымъ.
Чтобъ все понявъ и вглубь и вдоль
Рѣшить: ничто удѣлъ есть воль.
Ну улыбнись, скорѣе, ну
Вѣдь на тебя опять взгляну.

Лице поставивъ набекрень
Двумя руками скрывши груди
Вы стали чутки; страшна тѣнь
Быть можетъ бѣсъ, а можетъ люди
И быть раскрытыми навѣки
Боялись кротости опеки.
Изъ устъ сосѣдей ахъ да охъ
Ты исторгаешь какъ свирѣль
Прекрасна ты какъ дикій лохъ
Бурунъ закрылъ младую мель
Я только страсти имена
Твержу покорный какъ ягненокъ.
Ты хочешь жертвы? возьми, на,
Стою я согнутъ бѣлъ и тонокъ.
А. Полны цвѣтовъ земные логи
Цвѣтамъ полевымъ я завидую.
Я вамъ молилась великіе боги
И что жь? неслыханной обидою
Отвѣтили мнѣ я одинока
Напрасно страсть кипитъ востока.
Когда журчать ко мнѣ дерзаетъ
Мнѣ опьяненная волна
Меня одно всегда терзаетъ
Видѣнье страшнаго челна.

(Нѣга—нѣголь...)

Нѣголи легкихъ думъ
Лодки направили къ легкому свѣту.
Бѣгали легкости въ шумъ,
Небыли пѣту и нѣту.
Въ туманѣ грезобы
Возстали грезоги
Въ туманныхъ тревогахъ
Возстали чертоги.
Въ соногахъ-мечтогахъ
Почилъ онъ, почему у черты.
Въ чертогахъ-грезогахъ
Почилъ онъ, почилъ у мечты.
Волноба волхвобнаго вира,
Звеноба пѣмобнаго яра,
Ты все удалила, ты все умилила
О тайная сила,
О кровная мара.
Въ яробѣ нѣмоты
Играли и журчали
Двузвонкія мечты
Будутныя печали.
Хитрая нѣга молчанія,
Литая въ брегахъ звучанія,
— Птица безъ древа звучаніе,
— О взметни свои грустилья,

Дай намъ на небо взойти,
Чтобы старыя постылья
Мы забыли, я и ты!
Вѣязь силъ молодыхъ,
Вѣязь дикихъ блѣдныхъ силъ,
Уносилъ въ сонъ младыхъ,
Въ сонъ безмѣрно голубыхъ...
За осокой грезныхъ лѣтъ
Бѣгутъ струи любины
Помнитъ, помнитъ человѣкъ
Ковы милой старины.
Знаетъ властно-легкій плѣнъ.
Знаетъ чары легкихъ мѣнъ,
Знаетъ цѣну вѣчныхъ цѣпъ.
Поюнности рыдальныхъ склоновъ,
Знаюнности сіяльныхъ звоновъ
Въ вѣнокъ скрутились
И жаломъ многожалымъ
Чело страдальное овили.
И въ бездумномъ играньи играній
Расплескались яри бываній!
Нѣжецъ тайностей тучъ,
Я въ сверкайностяхъ тучъ.
Пролетаю, летаю, лечу.
Улетаю, летаю, лечу.
Въ умирайнахъ тихихъ тайнъ
Слышенъ голосъ новыхъ майнъ.

Я звучу, Я звучу...
Сонно-мнимой грезы нѣголь,
Я— узывностынь мечты.
Льется, льется плѣнность бреговъ,
Вьются дѣти красоты.
Сумная умность рѣчей
Зыбко колышитъ ручей
Навій налетъ на ручей
— Роняетъ,
— Ручей бѣлыхъ нѣжныхъ словъ,
Что играетъ
Безъ сомнѣнія, безъ оковъ.
— О ядъ не нашихъ мчаній въ покоиность высоты
И бѣшенство бываній въ страдаляхъ нѣмоты
Въ думкомъ маревѣ о богѣ
Я летѣлъ въ удѣлъ зари...
Обгоняли огнебоги,
Обгоняли жарири.
Обожѣлыя глаза!
Омірѣлыя власа!
Овселеннѣлая рука!
Орелъ сумеречныхъ крылъ
Землю вечеромъ покрылъ.
«Вечеръ сѣчи вѣдьмъ зари».
Прокричали жарири.
Мы усѣлись тѣснымъ рядомъ.
Видѣть нежить люди рады.

(1907 г.).

Мава Галиційская.

Въ перчаткѣ изъ червей
Ладонь мою подам
Веселымъ господамъ.
Эй, эй, всѣ живѣй!
И пусть тѣ что руку трогали
Скользкій пиръ ночной кишащій
Въ воздухъ бросятъ возгласъ вящщій
Озадаченные щеголи.
Пусть поймутъ кто настоящій
Эй, эй, всѣ живѣй
Червяка что на мизинцѣ
Вмиг стошнило-бъ отъ травы
Но въ ночномъ моемъ звѣринцѣ
Вамъ написано: Увы!
На меня бросаетъ зелень
По-лу-су-мрака шугай
Мавѣ вѣрящая елень
Ну по хворосту шагай.
Двукопытные неопытные
Бѣлокурые друзья
Начинайте игры топотныя
Умно помня съ вами я.
Люди отвѣтствуйте надо-ли
Червивой стыдящейся падали?

(1914 г.).

К. Малевичъ.

(изъ книги «Трое»).

(Хвост Мавки-вѣдьмы — превратился
в улицу)

... а сзади была мостовой
Съ концами ярости вчерашней
Ступала ты на пальцы башни
Рабы дабы
Въ промокшихъ кожахъ
Кричали о печали
А ты дышала пулями въ прохожихъ.
И равнодушно и во снѣ
Они узоръ мороза на окнѣ!
Да эти люди пней только
Изъ пулеметовъ твоя полька
И изъ чугуннаго окурка
Твои Чайковскій и мазурка
А азбуки разрозненные члены
Для площадныхъ торговыхъ кличей
Идутъ какъ парусы подъ пѣной
Подошвы множества величій
Медвѣжей лапою топча
Порывы въ завтра отроча

(1914 г.).

Боевая.

Радой Славунъ, родунъ Славянъ,
Не кажи, не кажи своихъ ранъ!
Разскажи, разскажи про ослаби твои.
Разскажи, разскажи какъ заслави твои поло-
нила волна нѣми съ запада яростно
бьющей...
Разскажи, разскажи, какъ широкое плесо было-
вой рѣки замутилось-залилось наплы-
вомъ-наливомъ вліяній иныхъ:
Иной роди, иной крови, иной думи, иныхъ рѣ-
чей, иныхъ бытей.—
— Инобыти.
Я и самъ бы сказалъ, я и самъ разсказалъ.
Протянулъ бы на западъ клянущую руку, да всю
горечь свою, да всѣ яды свои со-
бираю, чтобъ кликнуть на западъ и
югъ свою вѣсть, свою вѣру, свой
яръ и свои кличъ,
Свой гнѣвный, побѣдный, воинственный кличъ:
«Напоръ славы единой и цѣльной на нѣмь!
По солонь, слава. За солнцемъ, друзья,—на за-
падъ за солнечнымъ ходомъ подъ
прапоромъ солнца идемте друзья,—
на западъ за солнечнымъ ходомъ.
— Побѣдная славь да идетъ.
Да шествуетъ!
Пусть въ вѣкахъ прѣкахъ раздается тотъ пѣвъ:
«Славь идетъ! Славь идетъ! Славь возстала...
Пусть въ вѣкахъ прѣкахъ раздается запѣвъ:
«Славь идетъ! Славь идетъ! Славь возстала!»

Мнѣ видны—Ракъ, Овенъ,
И міръ лишь раковина,
Въ которой жемчужиной,
То, чѣмъ недуженъ я.
Въ шороховъ свистѣ шествуетъ стукъ въ
родѣ «Ч»
И тогда мнѣ казались волны и думы,—родичи.
Млечными путями здѣсь и тамъ возникаютъ
женщины.
Милой обыденщиной
Напоена мгла
Въ эту ночь любить и могила могла...
И вечерне вино
И вечернія женщины
Сплетаются въ единый вѣнокъ,
Котораго братъ меньшій я.

1908 г.

Мрачное.

Когда себѣ я надоѣмъ
Я брошусь въ солнце золотое
Крыло шумящее одѣмъ
Порокъ смѣшаю и святое.
Я умеръ, я умеръ и хлынула кровь
По латахъ широкимъ потокомъ.
Очнулся я, иначе, вновь
Окинувъ васъ воина окомъ.

Послѣсловіе.

Пѣна грязная. Замѣтки.

Слова «по+до+лъ» и «ко+до+лъ» извѣстны меньшему числу лицъ, чѣмъ самъ русскій языкъ.

Но въ нихъ выступилъ рѣдкій случай творчества языкомъ себя. Подолъ есть наиболѣе ниспадающая и близкая къ землѣ часть одежды, напр. тулупа. Кодолъ есть та веревка, на которой на сѣверѣ (Въ Двинѣ) привязываются къ колу пасущіеся ручныя животныя. Луга Сѣв. Двины. Немедленная очная ставка этихъ словъ съ рѣченіями до полу и до кола дѣлаетъ вѣроятнымъ происхожденіе ихъ черезъ вставку предлога до внутрь простыхъ словъ полъ, колъ.

«До» служитъ здѣсь какъ бы клиномъ раскалывающимъ (словесное дерево); и вогнаннымъ внутрь разсѣченныхъ имъ рѣченій.

Простое слово было 1) раздвинуто 2) пустота заполнена предлогомъ ДО.

«До» вставленъ въ середки словъ: (к,п) олъ.

Отсюда подолъ и кодолъ, заключившія предлогъ въ скобки слоговъ,
грубыя и странныя слова.

173=а=365—(48). 4.

На 1237-ой годъ падаетъ выпадъ востока противъ запада. Батый, Мамай. Конница татаръ. Черезъ а лѣтъ, въ 1410, наступило равновѣсіе между востокомъ и западомъ. Грюнвальдъ. (1237+173=1410);

отпоръ славянъ востока нѣмецкому западу. Черезъ 2 а (1237+173.2=1583.)

отвѣтный выпадъ русскаго запада на монгольскій востокъ. (Завоеваніе Сибири Ермакомъ Великимъ). Строгановъ. Струги. Черезъ 3 а (1237+173.3=1756). Порогъ Семилѣтней войны 2-ое равновѣсіе между востокомъ и западомъ на этотъ разъ отпоръ нѣмецкаго міра русскому. Фридрихъ Вел.

Нечетное число а избираетъ рубежомъ Вислу, четное хребетъ Урала. Слѣдующій выпадъ востока на западъ ложится согласно этимъ причудамъ чиселъ на 1929 годъ, но остается темнымъ славянскій или монгольскій стягъ востока. А также Уралъ или Висла будутъ раздѣлять двухъ мечниковъ съ темной проволочной сѣткой на головѣ и гибкимъ лезвіемъ, избравшихъ своимъ судьей Число 173 для звѣздамъ послушнаго поединка

на сѣверномъ водораздѣлѣ Азіи

Споръ о первенствѣ

Какъ возстановить права на первенство въ одномъ сложномъ ученомъ спорѣ.

Въ особенности если черноглазый рокочущій истецъ плохо знакомъ съ законами. а сомнительный отвѣтчикъ давно подъ землей? Сѣвернымъ странамъ, гдѣ солнце никогда не бываетъ буднемъ, извѣстенъ соловей (красношейка) Въ границахъ правильнаго круга у него на груди красное пятно свѣжей крови. Красное пламя величиной съ видимые размѣры солнца. На сѣромъ скромномъ опереніи сѣверной птицы. Оно удлиняетъ вечеръ, вспорхнувъ среди кустарниковъ послѣ заката и солнце на птицѣ звѣрю замѣняетъ закатившееся. Звѣздное. Птица кажется черноглазымъ капищемъ съ клювомъ, чирикая, поворачивающимъ свою грудь къ людямъ. Небольшое небо иногда съ козявкой во рту.

Тѣло исчезаетъ въ сумракѣ. Видно только же солнце. (ясный какъ жаръ, малиновый кружокъ). Сумракъ. Ивы. Значитъ ли это высокомѣрное пламя своего рода проповѣдь «будемъ какъ солнце?»

Или это было бы глупо для сѣверной службы солнцу порхающаго капища съ пѣснью. чернымъ клювомъ, ногами. живымъ желудкомъ и крылатаго?

Скорѣе здѣсь можно прочесть указанье на свою родословную, мысль «я—солнечнаго происхожденія», обращенную къ ивамъ и подругѣ, вѣроятно другого предка. Но грекамъ было знакомо близкое ученіе. Именно, Аполлонъ соединилъ въ своей природѣ 1) солнце 2) земные лучи мужества (юноша-солнце). Можетъ быть и тѣ и другіе (греки и соловьи) были независимы другъ отъ друга въ своихъ исканіяхъ, но право первенства все-же за соловьемъ—живымъ сѣвернымъ храмомъ солнцу. т. е. соотечественникомъ.

Солнце одно и вблизи земли; звѣздъ много и онѣ вдали. Но само солнце только одна изъ звѣздъ.

Дѣло ума родственно съ дѣломъ сердца или страсти и мысли одной породы и разнятся лишь числами. Именно, умъ вѣдаетъ многими, но дальними, а сердце чѣмъ-то однимъ и близкимъ.

Умъ относится къ отдаленному множеству, сердце къ одному стоящему рядомъ. $S = \frac{k}{n, t}$; s = умъ или сердце; n = число, t = разстояніе.

Отыскивая земное въ земномъ можно сказать умъ отъ звѣздъ, сердце отъ солнца.

Но Исламъ возникъ въ знойномъ поясѣ, вблизи отъ солнца, какъ вѣра Солнца. Месть и страсть.

Вѣра ума не должна ли родиться вдали отъ Солнца, у льдовъ сѣвера. Табити и холодный разсудокъ. Скопы. Ось. О Звукѣ написано море книгъ по имени Скучное. Среди нихъ одинокій островъ мнѣніе маньчжурскихъ татаръ: 30—29 звуковъ азбуки суть 30 дней мѣсяца и что звукъ азбуки есть скрипъ Мѣсяца слышимый земнымъ слухомъ. Манчжурскіе татары и Пиѳагоръ подаютъ другъ другу руку. Сквозь прозрачную азбуку виденъ мѣсяцъ.

Если взять число лѣтъ, равное числу дней въ мѣсяцъ, то мы будемъ имѣть правящія людомъ могучія времена 27, 28 и 29 лѣтъ каждое съ особой судьбой и особымъ жезломъ.

28 лѣтъ управляетъ смѣной поколѣній. Смѣна поколѣній волны.

Нѣсколько примѣровъ: Пушкинъ родился черезъ 28.2 послѣ Державина, Чебышевъ черезъ 28 послѣ Лобачевскаго, Герценъ черезъ 28.6 послѣ Мазепы;

Петръ Великій черезъ 28 послѣ Мазепы: оба встрѣтились при Полтавѣ; Эльбрусы своихъ поколѣній Карамзинъ и Чаадаевъ тоже черезъ 28; Волынскій черезъ 28.2 послѣ Никона. Пугачевъ черезъ 28.7 послѣ Іоанна Грозн.; Черезъ 28.2 Карамзинъ и Забѣлинъ. Карамзинъ и Катковъ 28.2. Пугачевъ и Бѣлинскій 28.3. Никонъ и Кутузовъ 28.5 и Крижаничъ 28.4.

Рядъ

1765 Карамзинъ	Чаадаевъ 1793
1644 Мазепа	Петръ В. 1672
1821 Катковъ	Витте 1849
1793 Чаадаевъ	Катковъ 1821
1633 Голицынъ	Волынскій 1661
1799 Пушкинъ	Побѣдоносцевъ 1827

показываетъ, что черезъ 28 лѣтъ поколѣнія относятся другъ другу какъ отрицательная и положительная волны и что задачи одного поколѣнія вступаютъ въ борьбу съ задачами поколѣнія на 28 лѣтъ болѣе ранняго (Мазепа и Петръ).

До нѣкоторой степени можно говорить что если тогда-то родился человѣкъ съ «звѣздой жизни» А то путь b = —а изберетъ поколѣніе, пришедчіе черезъ 28 лѣтъ.

Такъ смѣняются «жизненныя звѣзды», подразумѣвая подъ ними только извѣстный способъ говорить.

У поколѣнія Карамзина съ греко-римскимъ міромъ совпадало все лучшее подъ солнцемъ и Карамзинъ тяжелой полкой своихъ книгъ нарядилъ предковъ въ римскія доблести, чтобы все лучшее совпадало съ именемъ русскаго.

Поколѣніе Чаадаева раздѣлось отъ одеждъ портной Карамзин Пушкинъ видѣлъ «оправданіе Сумасшедшаго» и «государство Россійское»: Католичество у Карамзина и у Чаадаева относятся другъ къ другу какъ черный и бѣлый цвѣтъ. А Катковъ черезъ Чаадаева можетъ подать руку Карамзину. Также именно послѣдователи Каткова съ наибольшимъ осужденіемъ и духомъ борьбы относились къ государственной дѣятельности одного современника. Пространство болѣе вещественно чѣмъ числа.

Лобачевскій захотѣлъ построить другой несуществующій вещественный міръ, а Чебышевъ далъ большую стройность не вещественному, но существующему уже міру чиселъ. Черезъ Польшу Украйна была доступна лучамъ запада, что давало ей особую отъ Моск. Госуд. природу и вызвалъ Мазепу. Петръ В. «окномъ въ Европу» (Пушкинъ) для великороссовъ устранилъ расколъ и какъ сама побѣда встрѣтился съ Мазепой при Полтавѣ. Снопъ одинаковыхъ лучей Запада прошелъ черезъ обѣ половины народа. Но уравненіе нравовъ выводимы изъ изученія преданій старины глубокой, Пушкина. Чебышева, Чаадаева позволяетъ судить о будущихъ поколѣніяхъ.

Лобачевскій и Чаадаевъ родились въ одинъ годъ и оба хотѣли (по разному) построить не этотъ, другой міръ. Въ ряду Карамзинъ. Чаадаевъ, Катковъ четные были западниками, нечетные (от. Карамзина).

Для Пушкина замѣчательно, что вмѣстѣ съ нимъ родились Верстовскій (живая Аскольдова Могила) и Львовъ: Здѣсь лучи времени (лучъ предка) разлагаясь насыщаетъ разныя дарованія.

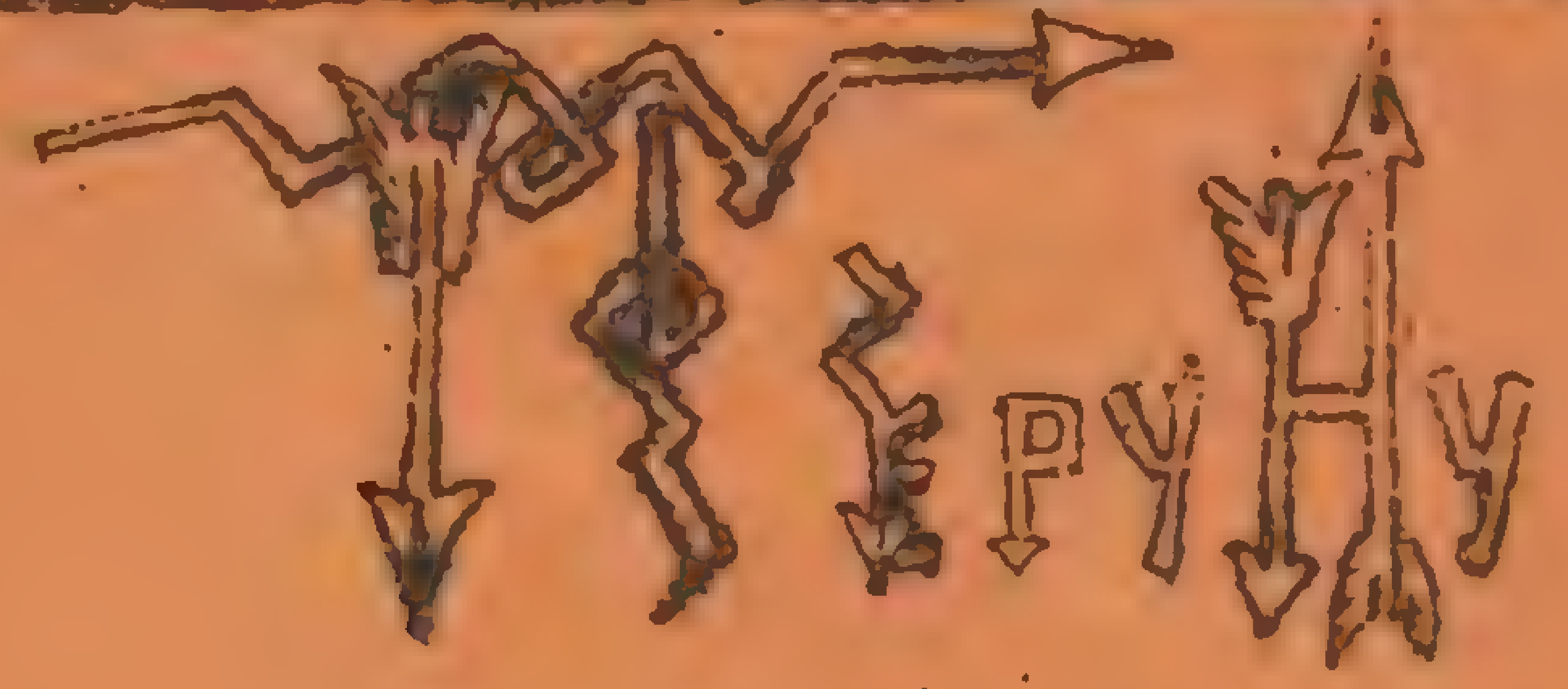
Исчисленіе по 27 лѣтъ даетъ слѣдующій рядъ:

1718 Сумароковъ 1745 Кулибинъ 1772 Сперанскій 1799 Пушкинъ 1826 Салтыковъ 1853 Владиміръ Соловьевъ и Короленко.

Онъ замѣчателенъ проходящей черезъ него одной общей мыслью.

Каждое поколѣніе какъ бы держитъ въ рукахъ игрушку въ которой разочаровывается слѣдующее и ищетъ новой. Слово, мосты, законы, изнѣженность, проклятіе жизни, робкое оправданіе жизни.

ИЗЪ КНИГИ

„ДЕРЕВЯННЫЕ ИДОЛЫ."

Надъ тобой носились беркут: а
порой садясь на бога грудь,
когда міялъ ты рѣя, омута (миновалъ)
на рыбей наводя поселки жуть.
Богъ водами носимый
ячаньем встрѣченъ лебедей,
не предопредѣлилъ ли ты Цусимы
роду низвергших тя людей?
не знал ли ты что нѣкогда возстанем
какъ нѣкая вселенной тѣнь
когда гонимы быть устанем
и обрѣтем въ временах рѣнь
сил синихъ снемъ.
Когда копьем мужья встрѣчали
тебѣ не пѣлъ ли мы не уснем
въ иных временъ началѣ

Съ тобой надежды вѣрных плыли
тебя провожавших зовом Боже
и как добычу тебя подѣлили были
когда взошел ты на песчаной рѣни ложе.
Как звѣрь влачит супругѣ снѣди
текущій кровью жаркій кусъ
Владимир не подарилъ-ли так Рогнѣдѣ
твой золоченый длинный ус
ты знаеш путь измѣнит пря
и станем вѣрны оПерунѣ
когда желтой и бѣлой силы пря
передъ тобой вновь объеденит нас въ унѣ.
На вьем возложенный на сани,
какъ нѣкогда ты проплылъ Днѣпръ
такъ ты окончилъ Перунепръ
узнавъ вновь сладость всю касаній.

Ночь въ Галиціи

Русалка: съ досокъ стараго
досчанника

Я смотрю на травы дна.

Въ кресла бѣлаго песчаника
я усядуся одна.
Оран, Оран, дикой костью
край куда идешь
Воронъ, Воронъ чуешь гостью
мой погибнешь, господине!
Витязь: этотъ холодъ окаянный
дикій вой русалки пьяной
всюду визг и суматоха
оставаться стало плохо. [уходитъ]
Пѣсня вѣдьм:
ла-ла соб! лі лі воб!
Жун-жан——— соб леле
соб леле! ла ла соб.
жун-жан! жун-жан!

Русалки поютъ:

Шиии ia io цолкъ

Уio ia паццо!

пиц пацо! піц пацо

Іо ia цолк!

дынза, дынза, дынза!

Русалки держат в рукѣ

учебникъ Сахарова и

поютъ по нему:

Между вишен и черешен

Наш мелькает образ грѣшен
иногда глаза проколет
нам рыбачья острога

А ручей несет и холитъ
и несет сквозь берега
пускай къ пню тому прильнула
туша бѣлая овцы
и къ свирѣли протянула

обнаженные рѣзцы

Руахадо, рындо, рындо
шоно, шоно, шоно
Пинцо, пинцо, пинцо
пац, пац, пац
Похороны опришками товарища
В „гож нож" то клич боевой
теперь ты не живой
Суровы легини
а лица их въ тѣни.
Русалка: кого несеть ихъ шайка
соседка отгадай ка
Русалки: iо, iа цолк
iо, iа цолк
Пиц, пац, пацу
пиц, пац. паца
iо iа цолк, iо iа цолк

Копоцамо миногамо пинцо пинцо Пиница

вѣдьмы вытягиваются въ косякъ какъ жу-равли улетают шагадам магадам вы-кадам.

Чух, чух, чух
чухъ

разговаривающiя галичанки:

вон гуцул сюда идет

Въ своей черной безрукавкѣ
он живет

На горах съ высокой Мавкой
люди видѣли намедни
Темной ночью на зарѣ
это вѣрно и не бредни
Там на камнѣ дикарь
узнай-же! Мава чернобровва
но мертвый ужъ как лук въ руках
гадюку держитъ суриво
и рыбья пѣсня на устах
а сзади кожи нѣт у ней
Она шиповника красный
шагами хищными сильна
съ дугой властныхъ глазъ она
и ими смотрится въ упоръ
а за ремнем у ней топоръ
улыбки нѣту откровеннѣе
Да ты ужасно привидѣние.

Типо-литографія Невскій 136

Издат. ЕУЫ

1-й изборник В. Хлѣбникова:

«РЯВ» перчатки

1908—1914 гг.

рис. Д. Бурлюкъ и К. Малевича, ц. 60 к.

(произведенія этого изборника не вошли въ 2-й—)

2-й изборник В. Хлѣбникова:

„ИЗБОРНИК стихов 1907—1914 гг.“

ц. 70 коп.